

Т. А. Черноверская

ПЕРВЫЙ ОПЫТ ОСМЫСЛЕНИЯ ПРОИСХОДЯЩЕГО:

«Дух Революции и Конституции во Франции»

Л.А. Сен-Жюста

Европа. Международный альманах.

Вып. II. Тюмень, 2002. С.148-159

Статья предоставлена Татьяной Александровной для нашего сайта к 25 августа - дню рождения Луи-Антуана Сен-Жюста. С благодарностью - редакторы

Имя Луи Антуана Сен-Жюста (1767-1794) в памяти наших соотечественников, хоть немного знакомых с историей Великой французской революции, связано прежде всего с образом якобинской диктатуры - и в то же время ассоциируется с такими словами как «загадка», «легенда». Самого молодого из депутатов Национального конвента, нередко называют едва ли не самым философским из его ораторов. Для его программных публичных выступлений действительно характерен на редкость тонкий и глубокий анализ социальных, политических и экономических проблем, встающих перед революционной Францией, их теоретическое осмысление, осуществляемое - ситуация достаточно редкая - активным участником происходящих событий в самый разгар борьбы и трудов.

Навыки такого анализа Сен-Жюст начинает приобретать еще до избрания в Конвент, участвуя в общественно-политической жизни своего департамента и одновременно работая над первыми философско-политическими трактатами.

«Дух Революции и Конституции во Франции» занимает особое место в литературном наследии Сен-Жюста - это единственный трактат, который был не только полностью завершен, но и опубликован автором еще до того как он вступил на общенациональную политическую сцену. В то же время этот трактат практически не привлекал пока специального внимания исследователей, которые как правило ограничиваются тем, что отмечают его вторичность, бросающуюся в глаза подражательность¹. При этом биографы Сен-Жюста непременно отмечают, что по своей тональности трактат резко отличается как от резкой сатиры героико-комической поэмы «Органт», опубликованной в мае 1789 г., так и от первых его выступлений в Конвенте, от речей по поводу суда над «бывшим королем французов».

Между тем, анализ этого трактата может представлять интерес не только при изучении эволюции мировоззрения Сен-Жюста, но и как одна из первых в истории Революции попыток осмыслить как бы со стороны события и проблемы первых ее лет.

1. ПЕРВЫЕ УРОКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ

В начале июня 1791 года в лавках парижских книготорговцев появилась небольшая книжечка под названием «Дух Революции и Конституции во Франции». О выходе ее сообщил «Монитор»². По значительно более позднему утверждению Бертрана Барера, в ту пору депутата Учредительного собрания, а впоследствии коллеги Сен-Жюста по Комитету общественного спасения, «сочинение привлекло внимание просвещенных политиков Учредительного собрания, и издание было раскуплено в считанные дни»³, хотя имя автора - Луи Леон де Сен-Жюст, выборщик департамента Эна от кантона Блеранкур дистрикта Шони, - едва ли говорило что-то читателям; жил, правда, в Париже некий Луи Леон де Сен-Жюст маркиз де Фонтевель, которому, вслед за «Монитором» и впоследствии приписывали это сочинение⁴. Но кое-кто, возможно, припомнил, открыв первую страницу трактата, что год назад в том же «Монитёре» был опубликован адрес Блеранкурской коммуны, зачитанный накануне с трибуны Национального собрания. В середине мая 1790 года г-н де Сен-Жюст стал инициатором и героем патриотической манифестации, которая произвела впечатление на его земляков: получив для распространения три десятка экземпляров листовки-памфлета, направленной против принятого Национальным собранием декрета о гражданском устройстве духовенства и подписанной несколькими депутатами Собрания, он добился созыва муниципалитета для публичного осуждения памфлета. Муниципалитет постановил сжечь его, и Сен-Жюст, держа руку над пламенем, «произнес клятву умереть за отечество и Национальное

собрание и скорее погибнуть в огне, как это сочинение, чем забыть свою клятву»⁵. Сам автор «Духа Революции» указал, что взятая за трактат его побудил отклик англичанина де Кюньера «из Лондонского филантропического общества»⁶, написавшего ученое письмо г-ну Тюйе, секретарю Блеранкурского муниципалитета, когда этот муниципалитет сжег декларацию духовенства» (с.181)⁷.

Пьер Виктор Тюйе, один из самых близких друзей и политический единомышленник Сен-Жюста, стал секретарем блеранкурского муниципалитета в начале февраля 1790 г. В городе на свой лад произошла одна из «муниципальных революций», что прокатились по всей стране во второй половине 1789 г.: повсеместно старые власти, связанные с сеньориальной администрацией, смещались и заменялись новыми выборными муниципалитетами; одновременно в большей части коммун создавались отряды Национальной гвардии. Установление 15 января 1790 г. нового административного устройства Франции - страна была разделена на 83 более или менее равных по площади и населению департамента, которые, в свою очередь делились на дистрикты, кантоны и коммуны, - не только создало 44 тысячи новых муниципалитетов, но и способствовало значительной их демократизации. И Национальная гвардия, и муниципальные выборы, и сама муниципальная деятельность для многих стали прекрасной школой политической борьбы.

Осенью 1789 г. Луи Антуан Сен-Жюст возвратился в Блеранкур из Парижа, где скрывался от преследований полиции, вызванных публикацией поэмы «Органт»⁸. Возвратился пламенным защитником идей Революции. Пребывание в Париже бурным летом этого года, посещение заседаний Национального собрания и Якобинского клуба, личное знакомство с рядом политических деятелей, в частности, с Камиллом Демуленом, открыли для него новую сферу деятельности, новые возможности заявить о себе.

Но падение Бастилии - а некоторые строки «Духа Революции» заставляют предположить, что он был очевидцем этого события, - произвело на Сен-Жюста двойственное впечатление. Означая прежде всего крушение деспотизма, который был, по его собственным словам, «не чем иным как пугалом для рабов» (с.185), оно самого его избавило от угрозы ареста. Но увидев, как «народ насаживал на пики головы особ самых ненавистных, вырывал их сердца и поедал их» (с.185), он испытал серьезнейшее потрясение. Картины народного гнева напомнили Сен-Жюсту историю Древнего Рима, где «убийство некоторых тиранов совершалось как своего рода религиозный акт» (с.185). [См. оценку событий 14 июля 1789 г. Сен-Жюстом]

По возвращении из Парижа Сен-Жюст сумел в течение года стать весьма заметной фигурой в политической жизни дистрикта Шони. Не достигнув требуемого по закону двадцатипятилетнего возраста, он не мог быть избран членом Блеранкурского муниципалитета, но происшедшее в начале февраля обновление его состава, исключившее оттуда представителей сеньориальной администрации, в том числе Антуана Желе (как и повсюду во Франции, политическая борьба переплеталась здесь с соперничеством личных интересов), избрание мэром Блеранкура Луи Оноре, старого зажиточного крестьянина-собственника, а секретарем - Пьера Тюйе, фактически предоставили в распоряжение Сен-Жюста муниципальную трибуну; он получил возможность действовать через муниципалитет, оказывать влияние на его решения. В апреле 1790 года граждане Блеранкура делегировали Сен-Жюста на департаментское собрание в Шони, где решался вопрос о главном городе департамента Эна - спор шел между Суассоном и Ланом, и выбор пал на последний⁹. В середине мая произошла патриотическая манифестация, о которой уже говорилось. В качестве заместителя командира Национальной гвардии Блеранкура Сен-Жюст принимает участие в создании ее отрядов в тех коммунах, где их еще не было, выступает в своем кантоне инициатором движения федерации, движения за единение революционных коммун, и в результате избирается почетным командиром отряда Национальной гвардии кантона, делегированного на Национальный праздник Федерации, который состоялся в Париже 14 июля 1790 г.¹⁰ [Как это было]

Это участие Сен-Жюста в публичных акциях положило начало формированию нового образа, в корне отличного от того шевалье Органта, «юного романтика, либертена и бездельника»¹¹, который сложился в пору работы над поэмой. Теперь он как бы облачается в римскую тогу, причем поначалу для него, похоже, значимым является именно принадлежность образа античной традиции - то он разыгрывает Тарквиния, «сбивая прутом головки папоротников» под окнами замка графа Лораге, куда явился во главе толпы местных крестьян, встречавших его по возвращении из Шони (с.352), то буквально через несколько дней подражает Муцию Сцеволе, когда произносит клятву «держа руку над пламенем»¹². Не случайны, по-видимому, и римские аллюзии при описании того, что происходило вслед за взятием Бастилии.

А примерно месяц спустя после Праздника Федерации Сен-Жюст пишет свое первое письмо Максимилиану Робеспьеру (с.353), письмо, положившее начало великой и трагической дружбе этих двух людей. В нем идет речь о петиции в защиту открытых рынков Блеранкура, на которые в первую пятницу каждого месяца сгонялось от двадцати до тридцати тысяч голов овец. Для местечка, где большая часть населения в зависимости от сезона делила свое время между сельским хозяйством и ткацким ремеслом (фактически - сезонной работой в рассеянной мануфактуре), эти рынки имели жизненно важное значение. Добиваясь сохранения их, Сен-Жюст предлагает, если необходимо, присоединить «свое наследственное имущество к национальным имуществам кантона». Трудно сказать, сыграла ли какую-то роль петиция Сен-Жюста, до настоящего времени не обнаруженная, или проект перенесения рынков в Куси оказался не более чем ложным слухом, но они существовали в Блеранкуре вплоть до середины XIX века, когда были перенесены в Ла Фер¹³.

Нам неизвестно, как ответил Робеспьер на это письмо, но он его бережно сохранил - после Термидора письмо было найдено в бумагах Робеспьера. Факт они впервые естегилини: Маржес поле, 17 июля 1791 года... История, которая чуть не...]

Среди требований, выдвигавшихся французским крестьянством, в первые годы Революции одним из важнейших было требование возратить общинам земли, отторгнутые сеньорами в результате триажа. Декрет Учредительного собрания от 15-23 марта 1790 года отменял право триажа на будущее время, и общины должны были вернуть себе земли, присвоенные сеньорами за последние три десятилетия в нарушение эдикта 1669 г. Еще ранее коммуны получили разрешение обжаловать через суд незаконные узурпации общинных земель. Воспользовавшись этим правом, Блеранкурская коммуна обратилась в начале июля 1790 г. к администрации дистрикта Шони для разрешения земельных споров со сьером Грене. От имени Грене выступал его управляющий, нотариус Антуан Желе, представителем и защитником интересов своих сограждан был избран Сен-Жюст, как лицензиат прав. Переговоры между ними начались лишь в октябре, и поскольку на первых порах речь шла прежде всего об определении границ земельных владений, создавалась иллюзия, что можно довольно легко достигнуть договоренности, «благодаря доброте сердца сьера Грене», как сообщал Сен-Жюст 17 октября 1790 г. своим доверителям¹⁴. На деле процесс затянулся надолго, и год спустя тон Сен-Жюста в нем совершенно переменялся.

Пока же первые успехи Революции в центре и на местах настраивали его, как и большинство современников, в духе умеренности и оптимизма. Этот оптимизм подкреплялся и личными успехами на ниве общественной деятельности, и неоднократно высказывавшимися с весны 1790 года надежды или пожелания увидеть его в Национальном собрании, что подогревало политические амбиции молодого человека - не случайно уже с этого года он систематически подписывается «выборщик департамента Эна», хотя, не достигнув двадцатипятилетнего возраста, не имеет на это права.

2. ВЕРНЫЙ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬ МОНТЕСКЬЕ? ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ В «ДУХЕ РЕВОЛЮЦИИ»

Духом оптимизма проникнут и написанный Сен-Жюстом осенью - зимой 1790 и опубликованный в Париже в июне 1791 года трактат «Дух Революции и Конституции во Франции». Рассказывают, что работая над ним, Сен-Жюст в погожие дни прохаживался большими шагами вдоль грабовой аллеи, где на равном расстоянии один от другого были расставлены три стола с письменными принадлежностями, и сформулировав какую-то идею, присаживался к ближайшему, чтобы записать ее, а вечером собирал вместе все листы и приводил в порядок¹⁵. Возможно, это всего лишь легенда, но она достаточно точно отражает стилистические особенности «Духа Революции», как, впрочем, и большинства других сочинений Сен-Жюста - чеканная афористичность формулировок, далеко не всегда логически связанных между собою. Эти стилистические особенности еще более подчеркивают близость «Духа Революции» с «Духом законов» Монтескье: автор несомненно находился под большим впечатлением от этого сочинения, о чем свидетельствуют и название, и эпиграф, и композиция, и самое главное - основные идеи книги.

И здесь нет ничего удивительного: политическая теория Монтескье занимала господствующее положение в политико-правовой мысли французского Просвещения с самого момента первой публикации «Духа законов» в 1748 году. Теория Монтескье принималась полностью, развивалась далее или оспаривалась - но практически всегда в рамках системы понятий, введенных в «Духе законов». Теория эта использовалась и для обоснования более радикальных, демократических систем¹⁶. Провозгласив наилучшей формой правления конституционную монархию английского

типа, основанную на принципе равновесия законодательной и исполнительной власти, при весьма широких полномочиях последней, Монтескье не скрывает и своих симпатий к республиканской форме правления, постоянно подчеркивая, что ее существование, основанное на принципе добродетели (гражданской доблести), возможно лишь при условии большего или меньшего имущественного поравнения. И эта идея стала общим местом всей политической мысли Франции XVIII века от Монтескье и до Руссо.

Впрочем, как ни велико было в этот период воздействие Монтескье на взгляды Сен-Жюста, просто бросающееся в глаза при первом беглом знакомстве с «Духом Революции», более внимательное прочтение трактата позволяет увидеть, что оно было отнюдь не всеобъемлющим, что его автор не только следует за своим великим предшественником, но и полемизирует с ним, что, вдохновленный «Духом законов», используя предложенные Монтескье подходы для анализа Конституции, над которой работало Учредительное собрание, для обоснования собственной, далеко не безграничной, поддержки этой Конституции, предвзято этот анализ теоретической характеристикой природы и принципов демократии, аристократии и монархии, он вслед за ее создателями апеллирует не только к теории Монтескье, но и к учению Руссо. Более того, композиционные особенности трактата Сен-Жюста по-видимому в большей степени отражают особенности творческого процесса автора, чем стремление следовать образцу: в структуре трактата иногда заметна хаотичность, некоторые главы выглядят как произвольная, почти случайная по месту расположения вставка, и вполне вероятно, что в отличие от второго, незавершенного трактата, этот, как и поэма «Органт», создавался без первоначально продуманного плана, и в его тексте можно отметить целый ряд противоречий, в том числе и весьма существенных. В то же время можно заметить, что сам автор как бы только еще осваивает лексику, выработанную в первую очередь Монтескье, и терминология, которую он использует не вполне устоялась. Так, например, одно из ключевых политических понятий своего времени, «суверен», он употребляет то в значении «государь» (с.185), то в значении «суверенный народ» (с.182 и др.), указав даже однажды, что «государь - отнюдь не суверен» (с.221).

Сен-Жюст пока еще не до конца освоил учение Руссо о народном суверенитете и общей воле: рассматривая общую волю как механическую сумму всех частных волей, он вынужден оговориться, что она действительна только в том случае, если разумна и добродетельна, ибо «было бы злоупотреблением буквою закона, если бы мы сочли, что сопротивление нескольких негодяев является частью общей воли» (с.249), в то время как для Руссо общая воля не только не совпадает с волею всех, но и находится в противоречии и с нею, и с каждой частною волей¹⁷. Но при этом именно через принцип народного суверенитета Сен-Жюст связывает категории свободы и равенства, однако равенства только гражданского: «все сословия, смешавшись, образовали бы одно или, вернее, не было бы ни одного сословия, а народ сам стал бы своим представителем; тогда он был бы свободен и суверен» (с.194). Принцип свободы Сен-Жюст определяет как «зависимость от разумных законов» (с.193), причем эти законы должны «подходить для данной страны» (с.191). Он разделяет «независимость человека, живущего в естественном состоянии» и «свободу в гражданской общине», отмечает, что «сердце человеческое движется от природы к насилию, а от насилия к нравственности», и приходит к выводу, что «свобода есть извращенная независимость, и что она любезна нам лишь потому, что возвращает нас к простоте через посредство добродетели», с сожалением соглашаясь с мнением Руссо (с.220). И если диалектика части и целого в учении Руссо об общей воле не воспринята Сен-Жюстом, причем прежде всего из практических соображений, то рассуждения «О независимости и о свободе» представляют собой диалектическое отрицание или снятие в духе «Рассуждений о неравенстве» того же Руссо.

Отметив, что «политика древних стремилась к тому, чтобы благоденствие государства оборачивалось благом для частных лиц; в наши времена политика стремится к тому, чтобы благоденствие частных лиц оборачивалось благом для государства» (с.191), Сен-Жюст как бы предвосхищает то противопоставление «свободы у древних и у современных народов», которое мы традиционно связываем с именем его сверстника Бенжамена Констана¹⁸. Но буквально несколькими страницами дальше он пишет: «Безразличие к отечеству и любовь к самому себе - источник всякого зла; безразличие к самому себе и любовь к отечеству - источник всякого блага» (с.211), т.е., прямо противоположное, то, против чего тот же Констан категорически возражал.

Как и большинство современников, подобно депутатам Учредительного собрания, творцам Конституции, Сен-Жюст ни минуты не сомневается в естественности для Франции монархической формы правления - хотя в «Духе Революции», как и в Конституции 1791 года суверенитет народа резко ограничивает власть монарха: «Все исходит от нации, все возвращается к ней» (с.199), «утверждая законы, монарх не столько проявляет свою верховную власть, сколько неукоснительно

выполняет то, что ему поручено верховной властью народа... Действие королевского отказа прекращается, как только начинается следующая легислатура. С этой минуты народ возвращает себе всю полноту суверенитета и отменяет временный запрет монарха». Здесь речь идет о принятом Национальным собранием конституционным законе о приостанавливающем *вето* короля - Сен-Жюст рассматривает его как «способ придержать незрелое установление» (с.198-199), и его аргументация заставляет вспомнить не столько политические теории XVIII века, сколько «сдержки и противовесы» североамериканской конституции 1787 г. И все это вместе взятое делает положение короля более всего похожим на положение президента Соединенных Штатов, а саму форму правления - близкой к республиканской¹⁹. Однако, как о форме правления Сен-Жюст говорит о республике лишь однажды, когда по образцу «Духа законов» рассуждает о природе и принципе разных форм правления (с.191), как правило же употребляет это слово для обозначения государства, управляемого на основании законов, и именно в этом смысле нередко использует для обозначения современного ему французского государства.

Показательно, как в изменившихся условиях изменилось у него по сравнению с «Органтом» отношение к носителям монархической власти. По-прежнему в качестве источника зла рассматривается двор, ближайшее окружение монарха, причем в трактате мы обнаружим почти полное текстуальное совпадение с поэмой: «доверие и дружба рождались из стыда при взгляде людей на себя, из боязни быть обманутым; добродетель подвергалась осмеянию, золото приобретали за позор; на это золото покупали честь», и т.п. (с.184); ср.:

Двор есть не более чем лабиринт преступлений,
Следы золота в нем вместо путеводной нити:
Честь продается там самым искусным образом...²⁰

Но вот королева Мария Антуанетта становится в поэме объектом стольких гневных и язвительных строк, например:

Бедняга Государь имеет пополам...
Королеву, отраду всего света,
Она стала ею без стыда и без жалости,
Жертвуя всем своей похотливой страсти...²¹

или:

... неистовая Королева
Равнодушно попирает ногами
И Природу, и весь народ франков.
Ее алчность, и жестокая, и расточительная,
Чтобы накопить, повсюду строит козни,
Затем все проматывает и, не смущаясь,
Выплевывает кровь, которую только что высосала... -²²

королева характеризуется теперь как «скорее обманутая, чем обманщица, скорее легкомысленная, чем вероломная», как царствующая «не во Франции, а в Трианоне» (с.184). Интересно при этом, что отношение к личности царствующего монарха Людовика XVI лишь несколько смягчилось, во всяком случае выглядит как развертывание образа из XIII песни:

Блаженный государь сам по себе был добр,
Дурным его сделали другие.²³

Никаких иллюзий по отношению к королю Сен-Жюст не питает, указывая на многие его слабости, но не испытывает по отношению к нему не то что ненависти, но даже и неприязни: «Людовик царствовал как частное лицо... Он геройствовал в мелочах, проявлял нерешительность в важных делах; он прогнал с министерского поста г-на де Монбаре из-за того, что тот тайком дал роскошный обед, но хладнокровно смотрел, как весь двор расхищает государственную казну, или, скорее, не видел, потому что его личная скромность порождала вокруг только лицемерие; рано или поздно он узнавал, однако, обо всем творившемся, но больше тщился слыть наблюдателем, чем действовать как подобает королю» (с.184). «Короля любили, но не жалели. Поскольку его было нетрудно обмануть, ему дозволяли говорить напыщенным языком, который ему нравился; но его простодушие не находило отклика» (с.219).

Не питает он иллюзий и по отношению ко многим тогда еще пользовавшимся широкой популярностью лидерам Конституанты - Лафайету, Байи, а также к Неккеру. Лишь о Мирабо он говорит несколько раз подробно и с почтением, да еще упоминает наряду с ним Ламета и Робеспьера как людей, чья «энергия и мудрость», чей «пример придали особую силу новым истинам» (с.234). Косвенным указанием на последнего могли бы послужить рассуждения Сен-Жюста «о гражданских карательных силах», когда он, полемизируя с Руссо - «я не прощу тебе, о великий человек, то, что ты оправдывал право приговаривать к смерти» (с.228) - как будто воспроизводит аргументацию Робеспьера при обсуждении этого вопроса 30 мая 1791 г.²⁴ Но здесь

мы скорее всего имеем дело с параллельным ходом рассуждений - «Дух Революции» Сен-Жюста вышел из печати лишь несколько дней спустя после этого выступления Робеспьера.

Можно заметить, что молодой провинциал демонстрирует прекрасную осведомленность о делах в Париже, осведомленность, основанную в значительной мере на личных наблюдениях лета 1789 и лета 1790 гг. О его пребывании в Париже летом - в начале осени 1789 г. уже говорилось. Глава же из «Духа Революции», посвященная Празднику Федерации, в которой он весьма критически отзывается о целях его организаторов (с.218-219), что резко контрастирует с тем энтузиазмом, с которым сам он участвовал в организации движения Федерации в кантоне, позволяет, мне кажется, предположить несколько более продолжительное пребывание в Париже, чем несколько дней праздника. Но кроме того он очевидно внимательно следит за дебатами в Учредительном собрании, за его законотворческой деятельностью, а также за тем, что происходит за его стенами по газетам, и те краткие, но емкие характеристики, которые даны в трактате ряду ведущих публицистов Парижа - Демулену, Лустало, Марату, Карра, Мерсье - свидетельствуют о весьма основательном знакомстве автора с прессой (с.233-234).

Но в трактате находят отражение и некоторые проблемы политической борьбы в кантоне. Так например, когда он пишет, что «право, которое присваивала местная администрация, переносить собрания за пределы той территории, где они должны собираться, есть не что иное как тирания» (с.195), он скорее всего имеет в виду события, произошедшие в начале лета 1790 г., когда администрация дистрикта Шони по причине или же под предлогом волнений в собрании выборщиков, собравшихся для избрания судей, перенесла заседания из Блеранкура в Шони²⁵.

Историки, как правило, обращают внимание на то, что Сен-Жюст не только остается в этом трактате сторонником конституционно-монархического государственного устройства Франции, не только обосновывает право ограниченного *вето* короля, но также защищает цензовую систему избирательного права. При этом подчеркивается отличие его тогдашней политической позиции как от тех принципов, которые он отстаивал впоследствии, будучи депутатом Конвента, так и от позиции демократов Робеспьера или Марата, которые хотя и оставались в этот период также сторонниками конституционной монархии, но последовательно выступали против имущественного ценза как нарушающего демократические принципы Декларации прав, и против *вето* короля даже ограниченного - за полное верховенство законодательной власти. Представляется, однако, более важным рассмотреть способы аргументации Сен-Жюста - ведь именно характер аргументации позволит действительно проследить процесс эволюции его мировоззрения.

Принимая цензовую систему избирательного права с ее делением граждан на «активных» и «пассивных», заявляя что «...все равным образом участвуют в осуществлении суверенитета через одинаковые условия налога, который определяет избирательное право; все могут избирать, но не все могут быть избранными» (с.196), Сен-Жюст обосновывает ее необходимость несколько иначе, чем это делали депутаты Собрания. В частности, 31 августа 1789 г. Лалли-Толендаль от имени Конституционной комиссии говорил о том, что собственники более независимы²⁶, весьма распространенным мотивом было стремление не допустить чернь к управлению государством, и такой подход не противоречит не только теории Монтескье, но и точке зрения Руссо, как она сформулирована в «Письмах с Горы»²⁷. Идея Сен-Жюста тоже, как мне кажется, восходит к Руссо, но к другому его сочинению, к «Общественному договору»: «Закон отвергает чужестранца, ибо тот не может любить страну, с которой не связан кровными интересами;... того, кто не платит податей, соответствующих положению активного гражданина, потому что он живет подобно гражданину мира» (с.196)²⁸. В общем контексте «Духа Революции», где эта идея высказана неоднократно в разной форме, и кроме того переходит в более поздние его сочинения, «не земля принадлежит человеку (мужчине), но человек добровольно принадлежит земле» (с.223), и следовательно собственность является связующим началом в обществе - гражданской общине. А это означает, что человек, не обладающий собственностью, не может принадлежать гражданской общине.

3. В ЧЕМ ИСТОЧНИК ПРОЦВЕТАНИЯ ОБЩЕСТВА? СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Однако такая аргументация кажется ему недостаточной. Несколько раз в разных контекстах он обращает внимание на умеренный размер имущественного ценза. «Категория совершенно неимущих малочисленна; те, кто вовсе не платит податей, вовсе не являются никчемными; участь этой категории людей - независимость и соревнование» (с.196), - пишет он в связи с этим. И в другом месте, напоминая читателю о сказанном ранее - «Промысел... есть источник политического равенства, он несет бедняку жизнь, роскошь и возможность платить подати» (с.236). «Чтобы установить в республике естественное равенство, нужно поделить земли и стеснить промысел. Если промысел свободен, он источник, из которого истекают политические права, и тогда

существующее на деле неравенство порождает честолюбие, которое является добродетелью» (с.197), - было сказано в связи с вопросом о цензе в главе «О природе аристократии»²⁹. Мне кажется, практически-политические соображения не позволили Сен-Жюсту ограничиться тем, что по Монтескье «лучшая аристократия та, где часть народа, не принимающая участия во власти, настолько бедна и малочисленна, что господствующая часть народа не может извлечь никакой выгоды из того, чтобы угнетать ее»³⁰, что подчеркивая «легкость» (с.237) выполнения цензовых условий и преодолимость границы, отделяющей «пассивных» граждан от «активных», он стремится *оправдать* ценз в глазах своих потенциальных избирателей. Впрочем, по мнению А.Олара проблема деления граждан на «активных» и «пассивных» в провинции воспринималась не так остро, как в Париже³¹.

Как видим, Сен-Жюст категорически отвергает самоё идею имущественного равенства, утверждая, что «то равенство, которое установил Ликург, разделивший земли, выдававший замуж бесприданниц, повелевший всем вкушать пищу совместно и облачаться в одинаковые одежды - это относительное равенство, подобающее благодетельной республиканской бедности, во Франции привело бы к мятежу или к всеобщей лености» (с.192). Однако он отказывается признать собственность естественным правом: «Можно ли поверить, что человек настолько удалился от того чудесного бескорыстия, которое, как кажется, является общественным законом природы, - настолько, чтобы возвеличить эту жалкую собственность, дав ей имя естественного закона? Нам дано лишь временное существование под этим небом; разве не научила нас смерть, что земля не только не принадлежит нам, но, напротив, наш жалкий прах принадлежит ей» (с.223). Но в обществе испорченном, удалившемся от природы, необходимы законы, регулирующие отношения собственности: «если конституция хороша, она укрощает нравы и обращает их себе на пользу... Прискорбно лишь то, что наши самые нежные и глубокие чувства законы провозглашают нашим долгом, исполнение коего сулит выгоду, и что нет у законов иного принципа, кроме алчной собственности» (с.205). Очевидно, что Сен-Жюст воспринял здесь, как и в вопросе о свободе, не только выводы, но и *диалектику* «Рассуждений о неравенстве» Руссо.

Интересно, что именно этими соображениями он объясняет декретированный Национальным собранием выкуп реальных повинностей (глава «О феодальном режиме» едва ли не единственная, где он позволяет себе усомниться в мудрости законодателей, хотя и утверждает обратное; необходимость выкупа видится ему несправедливой: «Я давно спрашивал себя, почему Франция не возмещает эти отвратительные злоупотребления с корнями вместе;... почему реальные права остались подлежащими выкупу», - подготовка к судебному процессу Блеранкурской комиссии против сьера Грене, его более близкое знакомство с нуждами соседей-земледельцев убеждали его в этом. Но «зло с течением лет стало сводом правил, который нужно было разрушать постепенно, развалить же сразу было бы губительно... Общины во Франции бережно отнеслись ко всему, что носило характер реальной собственности» (с.206).

Крестьянскими потребностями он мотивирует и необходимость предельно облегчить земельную подать: «Если вы обремените налогами земледелие, источник добрых нравов, вы отвратите земледельца от трудов или сделаете его жадным... Бесчестно утверждать, что земли, освобожденные от налогов, будут хуже обрабатываться, и что леность не даст ниве тех соков, какие извлекал из нее налог. Никак не мужества недостает крестьянину, ему не хватает рук;... пусть он получит возможность обогащать себя, а не откупщиков; его добродетель сделает тучными его нивы, и вы не увидите больше бедняков» (с.237). Рассуждая о налогах, которые он рассматривает как «фундаментальный закон правления, не потому, что ими оплачиваются расходы цивилизованного государства, но потому, что они могут сильно влиять на нравы» (с.239)³², Сен-Жюст предлагает, «чтобы налоги ложились своею тяжестью на потребление, но отнюдь не на торговлю», утверждая, что «народ... охотно заплатит за своих лошадей, за своих слуг, за окна, за экипажи, в то время как поземельную подать он платил бы по принуждению». Таким образом, он как бы вступает в полемику с физиократами, предлагавшими именно поземельным налогом заменить все остальные. При этом, «налоги должны возрастать или снижаться при увеличении или уменьшении количества продуктов» (с.236), чтобы «свобода не страдала ни от излишеств, ни от лишений», ибо у свободного народа «должно существовать справедливое изобилие нужного людям продовольствия» (с.241). Налог, который ограничивает роскошь, по его мнению, должен стимулировать полезную деятельность людей, законы против роскоши ни в коем случае не предполагают аскетизма. «Равенство во многом зависит от налогов; если они заставят нерадивого богача покинуть свой праздный стол, и пуститься в путь по морям или основать мастерские, он потеряет многие из своих повадок» (с.254). Он совершенно определенно видит Францию «процветающей страной с полнокровной промышленной деятельностью и развитой торговлей»³³.

Какие бы политические или социальные проблемы ни рассматривал Сен-Жюст в своем первом трактате, они как правило так или иначе связаны с законами, над которыми работало Национальное собрание, - будь то собственно Конституция, налоги или судебная реформа. Однако, несколько глав, посвященных проблемам семейно-брачных отношений и положению женщин, занимают в трактате непропорционально большое место по сравнению с тем, какое внимание им уделили депутаты, не принявшие в этой области гражданского права сколько-нибудь значимых законов. Очевидно, речь идет о проблемах, лично его волнующих. Рассуждая о неравноправном положении женщины в семье, в частности, о неравной ответственности мужчины и женщины за прелюбодеяние, о необходимости защитить права незаконнорожденных, Сен-Жюст в то же время высказывает противоречивые суждения относительно права развода: «Народы, у которых развод осуществляется беспрепятственно, либо чудовища, либо чудо добродетели» (с.209), - а несколькими строчками выше пишет о нем как о клятвопреступлении, сопоставляя с изменой вере отцов: «иудей или мусульманин, обращенные в христианство, не могут оправдать своим обращением разрыв уз, которыми они связали себя» (с.209). Впрочем, в контексте его размышлений о религии и церкви последнее утверждение выглядит несколько двусмысленно.

Рассуждая об изменении места и роли христианства в современном обществе с его испорченными нравами, он вроде бы пытается очистить Евангелие от «его теократических искажений» (с.215), и в то же время почти дословно повторяет то, что писал в «Органте»:

Я предоставил бы Турку и Гурону
Создать себе Бога по собственному усмотрению,
Поскольку я познал предначертанье свыше,
Что Бог есть не что иное, как сама мудрость,
И что честность, добродетель, разум
Задолго до нас у Эмиля и Катона
Ценились высоко и без печати крещения.³⁴

Ср.: «Первые римляне, первые греки, первые египтяне были христианами. У них были добрые нравы, они были милосердны, а это и есть христианство» (с.216). А в другом месте, несколько ранее, говорит: «Все в этом мире относительно. Сам Бог и благостыня для слабого не более чем предрассудок; истина открывается лишь мудрому» (с.200). При этом он поддерживает все решения Национального собрания, касающиеся реформы церкви.

Политическая умеренность и оптимизм «Духа Революции и Конституции во Франции» столь резко отличают этот трактат и от антимоноархических выпадов поэмы «Органт» («Трон - это всего лишь чурбан, на который каждый может воссесть»³⁵), и от его речей, произнесенных позднее с трибуны Конвента, когда он говорил, что «невозможно царствовать и не быть виновным» (с.13), что даже враждебный Сен-Жюсту консервативный историк Эдуар Флёрі назвал книгу «шедевром разума по сравнению с тем, что было им написано до и после нее», утверждая, что она полностью выпадает из логики развития его мысли³⁶.

Представляется, что причины здесь нужно искать не только в общем упоении первыми успехами Революции. Политическую сатиру «Органта» следует рассматривать как своего рода бунт молодого человека, неожиданно испытавшего на себе несправедливость существующего порядка. Революция открыла перед ним новые возможности легальной деятельности, а ее успехи создали иллюзию возможности добровольного отказа привилегированных от своих привилегий и построения царства разума и справедливости, о котором мечтали просветители, вполне законным путем. Отсюда - умеренность и оптимизм «Духа Революции», отсюда - обращения к политической теории Монтескье. В то же время внимательный анализ трактата позволяет увидеть в нем как преемственность по отношению к поэме, так и начало творческого освоения философско-политического наследия не только Монтескье, но и Руссо, причем влияние последнего просматривается прежде всего в использовании Сен-Жюстом характерных для Руссо диалектических приемов рассуждения.

Наконец, то пристальное внимание, которое Сен-Жюст уделяет в трактате законотворческой деятельности Учредительного собрания, может трактоваться как в своем роде примеривание на себя соответствующей политической роли. Впрочем, публикация трактата, который привлек внимание парижских политиков, так и не помогла автору добиться желанной цели стать депутатом Национального законодательного собрания - не позволил недостаточный для избрания возраст.

¹ Автора единственной в отечественной историографии статьи, где это сочинение Сен-Жюста рассматривается специально, *Н.Ю.Плавинскую* (Сен-Жюст и Монтескье / Из истории буржуазных революций нового времени. М., 1985. С.63-78) интересует не сам трактат, а то как проявилось в нем характерное для эпохи Революции восприятие идей Монтескье. См. также: *Levi L. Saint-Just, etait-il un disciple de Robespierre // Revolution Francaise, 1919, N° 72. P.387-415 ; Rebuffa S. Saint-Just interprete di Montesquieu // Diritto e potere nella storia europea. 1982, N° 2. P.849-865.*

- ² Centore-Bineau D.B. Saint-Just. P., 1936. P.71.
- ³ Barure B. Mémoires. Т. 4. Bruxelles-Leipzig, 1844. P.374.
- ⁴ Fleury Ed. Saint-Just et la terreur. P., 1852. Т.1. P.110.
- ⁵ Vellay Ch. Premières lettres politiques (1790-1792) // Revue de Paris, 1906. Т.5. P.824-826.
- ⁶ Вероятно, это был тот же П. де Кюньер, что в сентябре 1790 г. обратился с большим письмом к Робеспьеру: Переписка Робеспьера. Л., 1929. С.88.
- ⁷ Сен-Жюст Л.А. Речи. Трактаты. СПб., 1995 - при цитировании по этому изданию страницы указываются в скобках в тексте статьи.
- ⁸ Vellay Ch. Les poursuites contre «Organt» // Revue Bleu, 1907. Т. VIII, N° 6. P. 186-187. См. также: Черноверская Т.А. Бунт, не имеющий перспектив: Луи Антуан Сен-Жюст в годы работы над поэмой «Органт» (1783? - 1789) // Диалог со временем. Вып. 8. М., 2002. С. 28-256.
- ⁹ Vellay Ch. Premières luttes... P.828-829. Сохранился текст речи Сен-Жюста на этом собрании - он выступил в пользу Суассона (Saint-Just L.A. Oeuvres complètes. Ed Ch.Vellay. P., 1908. Т.1. P.217-219), а также письмо Демулену, написанное несколько дней спустя (Сен-Жюст. Указ соч. С.352-353).
- ¹⁰ Наиболее полное представление о деятельности Сен-Жюста на этом поприще дает исследование Бернара Вино: Vinot B. Saint-Just. P., 1985. P. 89-94. См. также: Vellay Ch. Premières luttes... P.826-827, etc.; Idem. Saint-Just en 1790 // RHRF, Т.2. 1911. P.378-389.
- ¹¹ Soboul A. Pour relire et comprendre Saint-Just // Actes du Colloque Saint-Just. P., 1968. P.5
- ¹² Vellay Ch. Premières luttes... P.825.
- ¹³ Vellay Ch. Premières luttes... P.385-386; Dommangeat M. Saint-Just. P.95-96; Vinot B. Saint-Just. P.103-105, 127-230.
- ¹⁴ Saint-Just L.A. Oeuvres complètes. Т.1. P. 225-229; Vellay Ch. Saint-Just en 1790. P.386-389.
- ¹⁵ Vellay Ch. Premières luttes... P.820.
- ¹⁶ См. напр.: Плавинская Н.Ю. «Дух законов» Монтескье и публицистика Великой французской революции / От Старого порядка к Революции. Л., 1988. С.145-155.
- ¹⁷ Серебрянская К. Взгляды Сен-Жюста и их связи с философией XVIII века / Труды МИФЛИ. Т.6. М., 1940. С.204-205; Soboul A. Introd a: Saint-Just L.A. Discours et rapports. P.13.
- ¹⁸ См.: Констан Б. О свободе у древних в ее сравнении со свободой у современных людей. // Политические исследования. 1993, № 2.
- ¹⁹ Серебрянская К. Указ. соч. С. 204; Ланда С.С. «Дух революционных преобразований...» Из истории формирования идеологии и политической организации декабристов. 1816-1825. М., 1975. С.133-134; Олар А. Политическая история Французской революции. М., 1938. С.77.
- ²⁰ Saint-Just L.A. Oeuvres complètes. Т.1. P.169-170.
- ²¹ Saint-Just L.A. Oeuvres complètes. Т.1. P.40.
- ²² Ibid. P.169-170.
- ²³ Ibid. P.131.
- ²⁴ Робеспьер М. Избранные произведения. М., 1965. Т.1. С.149.
- ²⁵ Vellay Ch. Premières luttes... P.829-830.
- ²⁶ Олар А. Указ соч. С.83.
- ²⁷ Руссо Ж.Ж. Трактаты. М.: Наука, 1969. С.399-340.
- ²⁸ Небезынтересно отметить, особенно в контексте последующих событий, что Сен-Жюст, которому в период написания этой книги было лишь 23 года, обосновывает и уровень возрастного ценза в 25 лет: не следует упускать из виду его стремление быть избранным в Законодательное собрание, но не следует и преувеличивать влияние этого стремления на содержание «Духа Революции», как это делает Б.Вино (Vinot B. Saint-Just. P.112-116), тем более, что о новых выборах было официально объявлено лишь в конце мая 1791 года, когда работа над трактатом была уже завершена.
- ²⁹ Сен-Жюст использует слово «аристократия» в буквальном смысле - «власть лучших», и применительно к французской конституции говорит о выборной аристократии в лице Национального собрания.
- ³⁰ Монтескье Ш.Л. Избранные произведения. М., 1955. С.175.
- ³¹ Олар А. Указ соч. С.99-103.
- ³² Эта мысль повторяется в трактате несколько раз, см., например, с.236.
- ³³ Гордон А.В. Иллюзии - реалии якобинизма / Сен-Жюст Л.А. Речи. Трактаты. С.381.
- ³⁴ Saint-Just L.A. Oeuvres complètes. Т.1. P.26.
- ³⁵ Saint-Just L.A. Oeuvres complètes. Т.1. P.131.
- ³⁶ Fleury Ed. Saint-Just et la terreur. P., 1852. Т.1. P.113.